

ПРАВОИНФОРМИРОВАННОСТЬ ЛИЧНОСТИ: КАЧЕСТВЕННЫЙ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ

Анатолий ШУЛЬГА,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры общеправовых дисциплин факультета права и массовых коммуникаций
Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

The article lights up the basic aspects of description of structure of sense of justice of personality as the system phenomenon. It becomes firmly established that using as the most correct scientific terminology within the framework of this structure it is expedient to distinguish cognitive, evaluation, motivational elements. It is explained that the "ideological elements" of sense of justice can be positioned as part of his "cognitive elements" among that there are normative and unnormative elements. Among the types of "knowledge of right" not only knowledge about an operating or desired right but also knowledge differentiates about the supposed right. Specified, that quality and quantitative the aspects of "knowledge of right" reflect maintenance and volume of this concept accordingly.

Key words: sense of justice of personality, knowledge of right, quality aspect of knowledge of right, quantitative aspect of knowledge of right.

Аннотация

Статья освещает основные аспекты характеристики структуры правосознания личности как системного явления. Утверждается, что, используя наиболее корректную научную терминологию в рамках этой структуры, целесообразно различать познавательные, оценочные, мотивационные элементы. Объясняется, что «идеологические элементы» правосознания могут позиционироваться как часть его «познавательных элементов», среди которых есть нормативные и ненормативные элементы. Среди видов «знания права» различается не только знание о действующем или желаемом праве, но и знание о предполагаемом праве. Указывается, что качественный и количественный аспекты «знания права», соответственно, отражают содержание и объем этого понятия.

Ключевые слова: правосознание личности, знание права, качественный аспект знания права, количественный аспект знания права.

Постановка проблемы. Исследованию правосознания как предпосылки юридически значимого поведения личности и в бывшем СССР (Е.К. Нурписов, Н.И. Козюбра, П.М. Рабинович, В.В. Оксамытный и др.) и в «постсоветский» период развития юридической науки всегда уделялось пристальное внимание (А.А. Кваша, Н.И. Тюрина, Д.В. Меняйло, И.М. Максимова, Н.И. Уздищева, И.В. Фабрика, Г.В. Паластрова и др.). Тем не менее, к примеру, в понятийном аппарате общетеоретической юриспруденции всё ещё нет устойчивого и последовательного использования терминов «идеологические» и «неидеологические», «нормативные» и «ненормативные» элементы правосознания, предметом углубленного изучения ещё не стали и различного рода возможные аномалии отражения норм права в правосознании личности и т. д. Соответственно, главной целью статьи является освещение с позиций методологии и категориально-понятийного аппарата общетеоретической юриспруденции основных аспектов качественного и количественного анализа когнитивной сферы правосознания личности.

Изложение основного материала. При обобщающем подходе к характе-

ристике в научной и учебной юридической литературе структурных особенностей правосознания личности как системного явления наиболее корректной в терминологическом и содержательном плане, по нашему мнению, должна быть позиция, согласно которой в правосознании личности необходимо различать по особенностям причинной связи с юридически значимым поведением личности: 1) **познавательные** элементы – соответствующие понятия, представления, взгляды, суждения, убеждения, идеи как выражение знания права («правоинформированности»); 2) **оценочные** элементы – система оценок правовой действительности, которые определяют отношение (положительное, негативное, амбивалентное, индифферентное) к ней; 3) **мотивационные** (регулятивные) элементы – соответствующие мотивы, установки, ценностные ориентации как непосредственная внутренняя причина юридически значимого поведения личности.

В свою очередь, учитывая содержание правовой информации («прескриптивная» (деонтическая, предполагающая наличие в формулировании нормативно-правового предписания нормативного термина: «может», «обя-

зан», «запрещается» и т. п.) и «дескриптивная» (описательная, ненормативная)), по нашему мнению, среди **познавательных** элементов правосознания необходимо различать по смыслу правовой информации, которая стала предметом отражения: 1) **нормативные** элементы, то есть знание о «поведенческих элементах» правового статуса, иначе говоря, представления о предусмотренных нормами права «правах», «свободах», «обязанностях» и т. п.; 2) **ненормативные** элементы. Например, Н.И. Тюрина (термин «нормативные элементы правосознания» не использует) пишет, что к «ненормативным элементам правосознания относятся правовые идеи, принципы и категории, которые не подвергнуты детальной законодательной регламентации (идеи законности и справедливости, ответственности за вину, категории юридических прав и обязанностей и др.)», самые важные ненормативные элементы правосознания – «ценностные ориентации личности» [1, с. 118], хотя, например, «правовые принципы», отраженные в правосознании, – нормативный элемент (достаточно вспомнить хотя бы те из них, которые имеют значение для преодоления пробелов в праве).

По нашему мнению, среди *нормативных* элементов можно за *характером взаимосвязи* различать: а) *основные* элементы; б) *субсидиарные* элементы. Первые представляют собой правила поведения, отраженные в правосознании как определенные «права», «свободы», «обязанности» и т. п., прямо предусмотренные нормами позитивного права, закрепленные в соответствующих формах (источниках) права. Субсидиарные элементы (по определению) являются нормативным дополнением основных элементов. Их существование, на наш взгляд, необходимо связывать с таким явлением, как *нормативность правосознания* [2, с. 333–334], прежде всего с нормативностью профессионального правосознания. Например, с *нормативностью правосознания судей*. В данном плане примером могут быть *судейские обычаи*, возникновение и упрочение которых в правосознании судей, применение в судебной практике объективно предопределяет наличие пробелов в праве. Так, в частности, в бывшем СССР процессуальное правило «сомнения необходимо толковать в пользу обвиняемого» сначала возникло как *неписаное* судейское правило [3, с. 168], в дальнейшем оно нашло формальное определение в одном из Постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1978 г.). В современной Украине соответствующее правило закрепляет ст. 62 Конституции Украины.

Среди *познавательных* элементов, по нашему мнению, целесообразно также различать: а) *неидеологические* элементы (выражают *элементарное знание* правовой действительности); б) *идеологические* элементы (выражают *углубленное знание* правовой действительности). Критерий различия неидеологических и идеологических элементов – уровень (глубина) познания личностью правовой действительности, отраженный, например, в *представлениях* о нормах и принципах права, в *идеях*, которые выражают сущность права как социального института, его назначение в социально-неоднородном обществе. При таком подходе «идеологические элементы» или «правовая идеология» позиционируются не как относительно отделенная часть правосознания, а как часть познавательных элементов согласно основным воз-

можным *уровням* познания правовой действительности – уровням ее познавательного отражения в правосознании личности.

Вообще возможность указанного подхода к классификации элементов правосознания («познавательные», «оценочные», «мотивационные») обусловлена тем, что в нём есть элементы, природа которых подчеркивает прежде всего *отражающий* аспект правосознания, то есть имеются определенные конкретные психологические формы-носители *отражения* правовой действительности в правосознании личности: правовые убеждения, правовые идеи, правовые эмоции и т. п. Отличие таких форм друг от друга является основанием для составления общего представления о *структуре* («психологической структуре») индивидуального правосознания как такового. Однако, учитывая *регулятивный* аспект правосознания, соответствующие структурные элементы правосознания закономерно всегда «принимают участие» в *процессе внутренней детерминации* юридически значимого поведения личности, в формировании его *мотивации* («правовое сознание является <...> регулятором юридически значимого поведения людей» [4, с. 23]). С другой стороны, *процесс внутренней детерминации* юридически значимого поведения указывает на то, что в контексте связи познавательных и мотивационных элементов правосознания необходимо различать в качестве *промежуточных элементов* соответствующие *юридические («правовые») оценки*. Объясняется это тем, что *системность правосознания личности* свидетельствует о том, что все элементы *правосознания личности* как элементы ее *психологической структуры* имеют связь с правовой действительностью через познавательную функцию сознания и *оценочное отношение* к ней, при этом одновременно через *оценочное отношение* они неизменно находят внешнее выражение и в юридически значимом поведении личности.

Объективная возможность указанной классификации («познавательные», «оценочные», «мотивационные» элементы) объясняется тем, что в юридической литературе по вопросам правосознания (несмотря на расхождение подходов) обычно называют три

основных *функции* правового сознания: *познавательную, оценочную, регулятивную*. Иначе говоря, правовому сознанию присущи интеллектуальный, эмоциональный и волевой (поведенческий) моменты [5, с. 82]. По мнению И. Сабо, как правило, в центре внимания авторов находится преимущественно один из этих моментов, когда особое значение предоставляется, например, волевой стороне правосознания или же познавательной и оценочной [6, с. 210]. Но «традиционно при рассмотрении структуры правосознания выделяется три взаимозависимых компонента: знание права, отношение к праву, побуждение к выполнению правовых предписаний» [7, с. 66].

В данном контексте, по нашему мнению, целесообразно обратить внимание на то, что в генетическом плане познавательная, оценочная и регулятивная функции в своей совокупности образуют пирамидальную структуру. Познавательная функция предшествует оценочной: «оценочная деятельность невозможна без познавательной» [8, с. 58]. Оценочная функция предшествует регулятивной, то есть интеллектуальный момент правосознания является фундаментальной основой эмоционального и волевого моментов. Таким образом, интеллектуальный момент правосознания, учитывая его роль в процессе формирования *мотивации* правомерного поведения личности, выступает относительно неё как предпосылка (информационная); оценочный имеет статус промежуточного, переходного явления.

Познание содержания и сущности интеллектуального аспекта правосознания, то есть его *познавательных* элементов, представляет несомненную важность, поскольку именно он имеет статус внутренней первичной ячейки, которая определяет формирование *мотивации* правомерного поведения личности.

Центральным понятием познавательного (интеллектуального) аспекта правосознания является понятие «знание права». В первом приближении *знание права* представляет собой определенную *презентацию* [9, с. 12] (представленность) норм права в сознании личности. Иногда говорят о *репрезентации* [10, с. 17–19] норм в сознании, что не меняет суть дела. Поэтому, гово-

ря о знании человеком *норм права*, как синоним можно использовать термин «репрезентация (презентация) *норм права в правосознании личности*». Но более простым и потому терминологически более удачным, по нашему мнению, как аналогичный по смыслу и объему термин является термин «*правоинформированность*» (информированность о праве как системе норм).

Целесообразно заметить, что хотя в «советский» период развития отечественной юриспруденции *право как информация* уже исследовалось на монографическом уровне [11, с. 41–45], в юридической литературе бывшего СССР, посвященной изучению правосознания, традиционно всегда использовался термин «знание права», а не «правоинформированность», хотя последний и в те времена уже мог найти признание в научном словоупотреблении.

Само по себе понятие «знание права» («правоинформированность») все еще остается определенной мерой неизученным [12, с. 44], но отдельные стороны данной категории уже представлены в общетеоретической юриспруденции в классифицированном виде. Так, например, В.А. Головченко называет следующие *уровни знания права*: «нулевой уровень; знание-узнавание; знание-воспроизведение; знание-понимание; знание-умение; знание-убеждение» [13, с. 82]. В.И. Гойман различает правовые знания: а) *по степени, глубине развития*: 1) несистематизированные; 2) систематизированные; б) *по предмету отражения*: 1) общие; 2) специально-правовые; 3) профессиональные; 4) теоретические; в) *по назначению для удовлетворения интереса*: 1) личного; 2) общественного; 3) профессионального; 4) научно-теоретического. Данные знания также могут быть: 1) алгоритмическими (одновариантными); 2) эвристическими (творческими) [14, с. 25–26].

Как известно, в юридической литературе также традиционно среди видов знания права различают *знание о действующем праве* и *знание о желаемом праве*. На наш взгляд, такого рода «знание» можно различать «по реальной и перспективной оценке содержания норм права», кроме того есть основания дополнить данную классификацию положением, которое касается и

знания о предполагаемом праве. Такое положение указывает на возможность и целесообразность различия понятий *знание права* и *представление о праве*, а также подчеркивает связь «знаний» со *сферой действительного* в отличие от связи «представлений» со *сферой воображаемого*.

В плане обоснования сформулированного выше тезиса прежде всего необходимо сказать, что понятие «представление» в связи с процессом человеческого «восприятия» (восприятия окружающего мира) также имеет прямое отношение к знанию действительного. Представления – это образ предмета, который воспринимался и сохранился в сознании. Но понятие «представление» может мыслиться и в другом плане. В связи с такой относительно самостоятельной сферой психики человека является *воображение*. «Воображение» (синоним – «фантазия») – это способность образно создавать или воссоздавать кого-, что-нибудь в мыслях, сознании. Исходя из этой посылки, если *представление о желаемом праве* формируется (логически, творчески, конструктивно) на *точном знании* тех или иных норм права, то *представление о предполагаемом праве* – результат преимущественно воображения, возникшего относительно содержания действующего права (той человеческой фантазии, которая всегда далека от правильных представлений о праве). Соответственно, нетрудно сделать и вывод, что *по степени объективности знания о содержании норм права* можно различать знание о действующем праве и знание о предполагаемом праве.

Используя в данном контексте термин «представления о предполагаемом праве», то есть представления о мнимом, надуманном, выдуманном, воображаемом, а не действительном праве, нельзя не вспомнить термин Л.И. Петражицкого «*фантазмы*» (фактически это аналогичный термин, учитывая его смысловую нагрузку). Л.И. Петражицкий в своей *психологической теории права* (начало XX ст.) различал интуитивное право (с ним человек сталкивается повседневно в своих отношениях с другими людьми) и позитивное право (установленное государством). Он подчеркивал, что позитивное право («официальное право») является мало-

известным для граждан; представления и иллюзии, которые есть у людей относительно этого права, он называл «фантазмами» [15, с. 130–176, с. 209–212].

В подтверждение факта существования *представлений о предполагаемом праве* как относительно обособленном явлении *индивидуального обыденного правосознания* говорят и социологические исследования, которые констатируют наличие у ряда людей суждений-*предположений* о характере правового регулирования общественного отношения, которое абсолютно не совпадало с подходом законодателя к регулированию соответствующих отношений [16, с. 237–239].

«Правоинформированность» («знание права») личности относится к числу тех явлений, характеристика которых может и должна осуществляться с привлечением философских категорий «качество» и «количество». Освещение *качественного* и *количественного* аспектов правоинформированности личности объективно оптимизирует логику анализа понятия «знание права». «Качественный» и «количественный» аспекты, соответственно, отображают *содержание понятия* и *объем понятия* «знание права». В пределах каждого из указанных аспектов их параметры мыслятся как биполярные, то есть всегда различаются максимальные и минимальные характеристики анализируемых показателей. Тем самым обуславливается диалектика их соотношения, взаимосвязи.

Объектом *качественного аспекта* правоинформированности является *действительное содержание* нормы (норм) права. «Именно в голове» субъекта действия «осуществляется интеллектуальная связь правила и действия» (имеет место *интерпретация формулирования правила*) [17, с. 489]. В результативном плане проблема качества отражения в правосознании содержания норм права является проблемой *истинности знания*, то есть проблемой наличия в ней «*правильного знания*» или «*неправильного знания*» («правильное» – это «истинное», то, что «соответствует действительности»). Соответственно, по нашему мнению, основные виды знания права *по качеству (правильности) отражения содержания норм права* делятся на: 1) *адекватное знание* [18, с. 7]; 2) *не-*

адекватное знание («искаженное знание» – любое «искажение» предполагает, что человек имеет «неправильный взгляд» на что-нибудь, который возник вследствие ошибочного восприятия, объяснения чего-то.

М.И. Бобнева, говоря о возможных аномалиях отражения, присущего «тезаурусу» социальных норм в сознании индивида, характер этих аномалий выражает словами «абerrации, деформации», относя их к содержанию норм [19, с. 117]. «Абerrации, деформации» как понятия М.И. Бобневой не анализируются, хотя, на наш взгляд, они могут быть лишь иным словесным обозначением того, о чем речь шла выше при характеристике качества знания права. По нашему мнению, *искаженность* содержания нормы права нужно отличать от его *фальсификации* – сознательного искажения содержания нормы права при *толковании-разъяснении*. Неосознаваемое «искаженное знание права» также может распространяться при неофициальном толковании-разъяснении (например, в бытовых разговорах людей), однако в исходном плане «искаженность» всегда появляется как неосознаваемый результат *толкования-разъяснения*. ИСКАЖЕННОСТЬ – неумышленный итог добросовестного заблуждения личности, неосознаваемое ошибочное представление человека относительно содержания определенной нормы права. ИСКАЖЕННОСТЬ содержания нормы права объективно предполагает «добавление» к этому содержанию *реально несуществующих признаков* или «отнимание» у этого содержания определенных его *реально существующих признаков*. Качественный аспект знания права (правоинформированности) как элемента правосознания является довольно показательным в том понимании, что «как правило, психологическое исследование не выявляет наличие четко сформулированных норм в сфере осознаваемого человеком» [19, с. 101].

Объектом *количественного аспекта* правоинформированности является *объем содержания* нормы (норм) права. В этом плане в литературе пишут о *полноте* правового знания [18, с. 7], указывают на существование *пробелов* в правовом знании [20, с. 179]. Соответственно, по нашему мнению, основные виды знания права *по объему (количественным показателям) отражения*

содержания норм права такие: 1) *полное знание*; 2) *неполное знание* (имеют место *пробелы* в знании (существенные или несущественные пробелы)).

Выводы. В правосознании личности «идеологические элементы» могут позиционироваться как часть его «познавательных элементов», среди которых необходимо различать «нормативные» (основные, субсидиарные) и «ненормативные» элементы. Среди видов знания права есть основания различать знание о действующем и желаемом праве, знание о действующем и предполагаемом праве, полное и неполное знание. Освещение качественного и количественного аспектов правоинформированности личности объективно оптимизирует логику анализа понятия «знание права». «Качественный» и «количественный» аспекты, соответственно, отражают содержание понятия и объем понятия «знание права».

Список использованной литературы:

1. Тюрина Н.И. Правомерное поведение как объект юридического исследования : дисс. ... канд. юрид. наук / Н.И. Тюрина. – Саратов, 2003. – 218 с.
2. Сурилов А.В. Теория государства и права : [учеб. пособие] / А.В. Сурилов. – К. ; Одесса, 1989. – 439 с.
3. Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов / Н.Я. Соколов. – М., 1988. – 224 с.
4. Ковальова І.І. Феномен правової свідомості в контексті суспільної та індивідуальної свідомості / І.І. Ковальова // Проблеми правознавства та правоохоронної діяльності : зб. наук. праць / Донецький юр. інст. – 2011. – № 3. – С. 21–26.
5. Оксамытний В.В. Правомерное поведение личности / В.В. Оксамытний. – К., 1985. – 175 с.
6. Сабо И. Основы теории права / И. Сабо. – М. : Прогресс, 1974. – 269 с.
7. Правовое воспитание молодежи / Н.А. Бура, Е.В. Бурлай и др. – К., 1985. – 319 с.
8. Каминская В.И. Правосознание как элемент правовой культуры / В.И. Каминская, А.Р. Рагинов // Правовая культура и вопросы правового воспитания. – М., 1974. – С. 55-59.
9. Бачиашвили И.М. Соотношение правовых и неправовых норм в процес-

се регулирования социалистических общественных отношений : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / И.М. Бачиашвили. – М., 1981. – 18 с.

10. Бобнева М.И. Репрезентация в сознании и регулятивные функции социальных норм как средств социального воздействия / М.И. Бобнева // Тезисы докладов советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. – М., 1975. – С. 17–19.

11. Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация / Ю.В. Кудрявцев. – М., 1981. – 144 с.

12. Оксамытний В.В. Социологические методы исследования правовых явлений / В.В. Оксамытний // Методологические проблемы юридических наук : сб. научных трудов АН УССР / Ин-т гос-ва и права. – К., 1990. – С. 21–25.

13. Головченко В.В. Эффективность правового воспитания: понятие, критерии и методика измерения / В.В. Головченко. – К., 1985. – 127 с.

14. Гойман В.И. Формирование правовой активности личности как составная часть коммунистического воспитания / В.И. Гойман. – М., 1988. – 182 с.

15. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. – СПб., 1907. – 656 с.

16. Право и социология. – М., 1973. – 359 с.

17. Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица / В. Декомб. – М., 2011. – 576 с.

18. Русинов Р.К. Сознание и правомерное поведение личности / Р.К. Русинов. // Советское государство и право. – 1983. – № 5. – С. 3–10.

19. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения / М.И. Бобнева. – М., 1978. – 312 с.

20. Рагинов А.Р. Структура и функции правового сознания / А.Р. Рагинов // Проблемы социологии права. – Вильнюс, 1970. – Вып. 1. – С. 178–187.